

Российская академия наук
Институт славяноведения

▲
Андрей Ганин

50 офицеров

Герои,
антигерои
и жертвы

на историческом
переломе
1917–1922

Москва
2022

УДК 94(47).084.3
ББК 63.3(2)612
Г19

Рецензенты:

д. и. н., в. н. с. Р. Г. Гагкуев (Институт российской истории РАН)
д. и. н., зав. отделом Е. П. Серапионова (Институт славяноведения РАН)

Утверждено к печати Ученым советом Института
славяноведения РАН (протокол № 1 заседания Ученого совета
Института славяноведения РАН от 22.02.2022)

Ганин А. В.

Г19 50 офицеров. Герои, антигерои и жертвы на историческом переломе. 1917–
1922 гг. — Москва : Кучково поле Музеон ; Издательский центр «Воевода», 2022. —
704 с. : ил.

ISBN 978-5-907174-80-1 (Кучково поле Музеон)
ISBN 978-5-6047857-2-0 (Издательский центр «Воевода»)
DOI 10.31168/907174-80-1

В книгу доктора исторических наук А. В. Ганина вошли биографические очер-
ки о пятидесяти офицерах, участвовавших в Гражданской войне по разные сторо-
ны баррикад — в рядах Красной, белых и национальных армий, а также о тех, кто пал
жертвой террора в те сложные годы. Имена одних общеизвестны, о других знают
лишь специалисты. Судьбы многих парадоксальны (от Маршала Советского Союза
Леонида Говорова, служившего у белых, до белого генерала Якова Слащева, став-
шего военным специалистом РККА), жизненный выбор и опыт каждого на изломе
истории интересны. Исследование основано на уникальном документальном мате-
риале 36 архивов России и зарубежных стран — Великобритании, Грузии, Казахста-
на, Латвии, Литвы, Польши, Сербии, США, Украины, Франции, Эстонии, включая ар-
хивы спецслужб и семейные архивы потомков офицеров.

УДК 94(47).084.3
ББК 63.3(2)612

ISBN 978-5-907174-80-1 (Кучково поле Музеон)
ISBN 978-5-6047857-2-0 (Издательский центр «Воевода»)

© А. В. Ганин, текст, 2022
© ООО «Кучково поле Музеон», оригинал-макет, издание, 2022
© ООО «Издательский центр «Воевода», издание, 2022

Содержание

К читателю 10

30 Красные

Михаил Бонч-Бруевич Путь непотопляемого оппортуниста	32
Иоаким Вацетис «Революционер в военном деле, большой самородок, талант в стратегии»	50
Владимир Гатовский «Имеет основание считать себя ущемленным старым режимом»	70
Андрей Зайончковский «Лукавый царедворец» между Николаем II и Лениным	79
Сергей Каменев «Большевицкому правительству он служил так же честно, как царю и Временному правительству»	103
Семен Пугачев «Сообщите семье... что я умер честным человеком перед народом и партией!»	114
Михаил Свечников Четыре мифа о «первом начдиве-большевике»	126
Владимир Селивачев «Политбюро Цека считает абсолютно недопустимым, что Селивачев остается... без особого надзора»	134
Владимир Скалон «Я больше жить не могу...»	146
Андрей Снесарев «С кем же страна останется, и что с нею будет?»	158
Михаил Строев (Рихтер) «Мне удалось уцелеть... только благодаря совпадению случайностей»	165

Георгий Теодори	
«Он являлся безусловным идеологом сплоченной группы своих товарищей...»	176
Борис Шапошников	
«Один из порядочнейших офицеров»	189
Примечания	198

210 От красных к белым

Сергей Безобразов	
От красных к белым по «Крыше мира»	212
Леонид Болховитинов	
«Я не могу перенести потери Родины, семьи...»	219
Василий Котомин	
Понятый чужими, не понятый своими	232
Федор Махин	
«Я почувствовал, что так продолжать жить в России нельзя...»	249
Анатолий Носович	
Белый агент при Сталине	258
Иордан Пехливанов	
Сын Болгарии, герой России	266
Владимир Срывалин	
От работника Региструпра РККА до героя Парагвая	280
Николай Стогов	
«Уходили мы из Крыма среди дыма и огня»	292
Примечания	299

308 Белые

Борис Анненков	
Черная страница истории Белого движения	310
Андро Бакич	
Черногорец в степях	320
Арсений Житков	
Русский офицер, эстонский гражданин, английский шпион	329

Иван Зайцев	
Шестой побег колчаковского генерала	340
Борис Казанович	
Белый разведчик в красной Москве	348
Лев Канабеев	
Последнее письмо родным	360
Анатолий Келчевский	
«Его возмущали мертвая зыбь, бюрократизм и чуждая армии отсебятина...»	368
Александр Колчак	
О чем рассказал парижский архив вдовы адмирала	380
Герман Коновалов	
«Ему всецело был обязан Врангель своими успехами...»	392
Петр Махров	
«Мы... судьбой вынуждены были идти один против другого, как враги»	416
Федор Михайлов	
«Я не хотел принимать участия в подавлении этих рабов...» ...	424
Борис Ушаков	
«Человек юного жара, сильного размаха и твердого мужества...»	433
Василий Флуг	
Тайная миссия в Советской России	448
Примечания	464

476 От белых к красным

Филипп Богданов	
Метания уральского «Мелехова»	478
Леонид Говоров	
Белые страницы биографии	489
Иван Кашуба	
Расстрелянный ординарец Скобелева	502
Аполлон Крузе	
Колчаковский генерал с орденом Ленина	519

Виктор Оберюхтин	
«Хождение по мукам»	527
Яков Слащев-Крымский	
«Иду в атаку с семечками в руке»	538
Примечания	552

558 В национальных армиях

Сергей Дядюша	
Русский офицер в украинских декорациях	560
Николай Какурин	
«Мой протез верхней челюсти разлетелся у меня во рту вдребезги еще в конце 30 г.»	566
Всеволод Петров	
«Ненависть его ко всему русскому... не казалась искреннею»	590
Александр Сливинский	
«Настал час возрождения России»	601
Константин Клещинский	
«Буржуазной Литве... не симпатизировал»	618
Вольдемар Озолс	
Солдат пяти армий, узник пяти режимов	627
Примечания	636

642 В тисках террора

Георгий Деревянов	
«Предать суду ревтрибунала как элемента, стоящего на пути трудового народа»	644
Николай Зарин	
«Давно можно и должно было предпринять революцию...»	653
Николай Раша	
«На вопрос о том, как отношусь к большевикам, принципиально не отвечаю»	663

Алексей Эверт	
«Живу вне всякой политики, простым обывателем»	671
Примечания	680
Вместо заключения. Красные и белые	683
Избранная библиография	697
Список аббревиатур	699

К читателю

Книга, которую Вы держите в руках, не совсем обычна. Это сборник кратких жизнеописаний бывших офицеров русской армии, оказавшихся в водовороте Гражданской войны 1917–1922 гг. Речь идет о советских военных специалистах (так именовали бывших офицеров, поступивших на службу в РККА), их противниках из белых и национальных армий, а также о тех, кто за время конфликта успел послужить в нескольких противоборствующих лагерях либо не служил нигде, но оказался жертвой «русской Смуты».

Линии фронтов Гражданской войны разделили некогда единый офицерский корпус старой русской армии. В результате офицерство сыграло решающую роль в том конфликте, позволив всем его сторонам сформировать боеспособные армии¹. Тем важнее обращение к судьбам офицеров, изучение мотивации их выбора в переломное для страны время.

Порой выбор был сиюминутным, вынужденным или недостаточно осмысленным, а в большинстве случаев его не было вовсе, тем более что каждая из сторон проводила мобилизации². В то же время некоторые выбирали ту или иную сторону осознанно. Впрочем, и это не гарантировало ни успешной карьеры, ни благополучной жизни. Одни добросовестно служили, поднимаясь по карьерной лестнице, другие подвергались репрессиям, некоторая часть находилась в поисках и метаниях, переходя из лагеря в лагерь.

Имена некоторых героев книги широко известны (это Маршалы Советского Союза Леонид Говоров и Борис Шапошников, советские главкомы Иоаким Вацетис и Сергей Каменев, Верховный правитель России адмирал Александр Колчак, знаменитый белый генерал Яков Слащев), но о большинстве знают лишь специалисты, а жизнеописаний целого ряда офицеров до работ автора этих строк и вовсе не существовало.

Поразительно, как коротка человеческая память. В России нет ни одного серьезного монографического исследования жизни и деятельности советского главкома Сергея Каменева или создателя Красной армии Михаила Бонч-Бруевича, а третьему человеку в иерархии врангелевской армии генералу Герману Коновалову историки не посвятили ни одной статьи. Практически каждая биография в этой книге написана на основе архивных материалов и вводит в научный оборот прежде неизвестные данные. Вместе с тем книга близка к научно-популярному жанру. Автор будет рад, если такая работа привлечет интерес к теме и будет способствовать появлению новых исследований.

В ходе поисков автору довелось познакомиться с родственниками некоторых офицеров, любезно поделившимися материалами семейных архивов. В настоящее время потомки героев очерков проживают в самых разных уголках земного шара от Латинской Америки и Австралии до России.

Основу этой книги составили статьи, публиковавшиеся на протяжении многих лет в журнале «Родина», а также в других изданиях³. Источниковой базой послужили документы и материалы тридцати шести архивов России и зарубежья, в большинстве своем ранее неизвестные даже специалистам и вводимые впервые в научный оборот. Среди них особое место занимают документы архивов спецслужб и частных архивов потомков офицеров.

Выбор персоналий предопределялся авторским интересом к судьбам интеллектуальной элиты русской армии, офицеров Генерального штаба, на изломе эпох. При этом объективность требовала соблюдения пропорций количества представленных очерков между советским и противоположным ему лагерями. Очерки расположены по алфавиту фамилий в каждом разделе. Единственное исключение сделано для национальных армий, где тематически

КРАСНЫЕ

1. М. Д. Бонч-Бруевич
2. И. И. Вацетис
3. В. Н. Гатовский
4. А. М. Зайончковский
5. С. С. Каменев

6. С. А. Пугачев
7. В. И. Селивачев
8. М. С. Свечников
9. В. Е. Скалон
10. А. Е. Снесарев

11. М. П. Строев (Рихтер)
12. Г. И. Теодори
13. Б. М. Шапошников

Михаил Бонч-Бруевич

Путь непотопляемого оппортуниста

Брат революционера

Одним из первых генералов, пошедших на службу советской власти, был Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич. Бонч-Бруевич родился 24 февраля 1870 г. и происходил из потомственных дворян Могилевской губернии. Его отцом был землемер. Младший брат будущего генерала, Владимир, являлся давним сподвижником лидера большевиков В.И. Ленина¹, а после прихода большевиков к власти занял важный пост управляющего делами СНК. Необычным было и полученное будущим генералом образование. Он окончил Константиновский межевой институт (1890), прослушал курс математических наук в императорском Московском университете, окончил Московское пехотное юнкерское училище с военно-училищным курсом по 1-му разряду с занесением на мраморную доску (1892) и Николаевскую академию Генерального штаба (1898).

Интересно, что до революции Бонч-Бруевич придерживался крайне правых, черносотенных и антисемитских взглядов (по характеристике генерала А.С. Лукомского, был «правее правых»), а в Первую русскую революцию даже призывал уничтожить революционеров без суда и следствия². Непонятно, правда, как это сочеталось с наличием у него родного брата-революционера.

Ученик Драгомирова

Бонч-Бруевич после академии вытянул, что называется, счастливый билет. Он был назначен в Киевский военный округ, которым командовал живой классик военной науки того времени генерал-адъютант М.И. Драгомиров. В штабе округа молодой генштабист и обратил на себя внимание Михаила Ивановича. Как писал Бонч-Бруевич в автобиографии, Драгомиров «привлек меня к своим военно-научным и литературным работам под своим непосредственным руководством; это закончилось тем, что Драгомиров дал

мне указания по переработке его «Учебника тактики», а затем поручил мне исполнить эту работу, что я и исполнил; в 1906 г. вышла из печати I-я часть учебника; в 1907 г. — II-я его часть. Затем эти обе части несколько раз переиздавались и были введены во все академии и во все военные училища в России»³.

По аттестации за октябрь 1905 г., Бонч-Бруевич «к службе усерден, энергичен, к законности и порядку привержен. Настойчив и умеет поддержать авторитет начальника. Тактичен достаточно и хорошо знаком с бытом г.г. офицеров и солдат. К подчиненным относится заботливо, беспристрастен и справедлив; к казенному интересу заботлив. Способен руководить службою и образованием части и может самостоятельно распорядиться. В исключительных случаях способен распорядиться согласно законам и принять меры соответственно обстоятельствам. Командовать отрядом из всех родов оружия может. Отлично может руководить занятиями г.г. офицеров»⁴.

Репутация ученика и соавтора умершего осенью 1905 г. Драгомирова создала Бонч-Бруевичу определенный авторитет. В итоге в 1910 г. Бонч-Бруевич перешел в Николаевскую академию Генерального штаба, где читал лекции по тактике. Вообще он активно и много преподавал. Прежде всего, тактику, топографию и военную историю. Вел занятия он в Киевском военном училище, Николаевской академии Генерального штаба, Интендантской академии, Офицерской стрелковой и Офицерской артиллерийской школах. Кроме того, совместно со своим будущим начальником по Первой мировой войне генералом Н.В. Рузским составил Полевой устав 1912 г.

Паутина интриг

В академии Бонч-Бруевич приобрел неоднозначную репутацию. Он оставался приверженцем идей генерала Драгомирова и выступал в качестве противника группы молодых преподавателей во главе с Н.Н. Головиным, стремившихся реформировать учебный курс. Как это нередко бывает, различие во взглядах привело к возникновению личной неприязни. Бонч-Бруевич распускал слухи о том, что участники кружка Головина плетут заговор, и даже называл их «младотурками» (по наименованию группы турецких офицеров, организовавшей в 1908 г. вооруженный переворот в Осман-

ской империи). В результате группа Головина оказалась изгнана из академии. Между тем политическая составляющая в деятельности кружка отсутствовала. В итоге и сам Бонч-Бруевич столкнулся с отторжением преподавательского состава академии. Градус неприятия был таков, что преподаватели при его отъезде из академии в войска голосовали против организации традиционных проводов⁵. Сторонники же Головина, в целом, хорошо проявили себя на фронтах Первой мировой войны.

Начальник академии генерал Д. Г. Щербачев дал Бонч-Бруевичу в конце 1911 г. следующую аттестацию: «В высшей степени трудолюбивый, исполнительный и усердный работник, предан военному делу и занимается с увлечением.

Вполне дисциплинирован, к подчиненным требователен и заботлив, в нравственном отношении безупречен. В работе неутомим, усидчив, интересуется и лично принимает участие в военной литературе, обладает самостоятельными взглядами, но по многим возбуждаемым им тактическим вопросам нельзя согласиться, и он расходится с мнениями других профессоров и руководителей, отчего он не принимает участия в руководстве занятиями по тактике.

Имеет склонность к строевой службе и по своим личным качествам и знанию службы вполне достоин назначения на должность командира пехотного полка»⁶.

Отголоски конфликтов прослеживаются и в следующей аттестации нового начальника академии генерала Н. Н. Янушкевича за декабрь 1913 г.: «Вполне предан военному делу и любит военную науку. Много работает по тактике, военной администрации и по составлению действующих уставов. Горячо и упорно отстаивает свои взгляды, расходящиеся со взглядами многих руководивших тактическими занятиями в академии и офицерских школах, что развило очень нервное отношение к этим вопросам. К подчиненным требователен, относясь внимательно к их нуждам и прекрасно направляя офицеров вверенного ему отделения. Отличный семьянин. Строй любит. В общем отличный. Достоин выдвижения на должность командира пехотного полка вне очереди»⁷.

Бонч-Бруевич обладал крутым нравом. Один из знавших его офицеров, вспоминая Офицерскую стрелковую школу, отмечал: «В особенности отличался полковник Бонч-Бруевич, тот самый,

который так ревностно в настоящее время служит большевикам. Ему даже на его несправедливое замечание нельзя было возразить, да он и разговаривать не станет, а то вылетишь из школы или поставят дурные отметки»⁸. Полковник Я. М. Лисовой вспоминал: «Сотни офицеров Генерального штаба, побывавшие у него в партии, помнят едкие, подчас грубые замечания его на тактических задачах, всегда больно бьющие по самолюбию его учеников»⁹.

Полковник Б. Н. Сергеевский, окончивший академию в 1911 г., в бытность в ней Бонч-Бруевича, писал в эмиграции вдове генерала А. И. Деникина о Бонче: «Мое мнение о нем было и осталось — это самый отвратительный из отрицательных наших генералов, как с точки зрения вопроса о генеральской годности, так и с общечеловеческой точки зрения.

По своим взглядам на военное дело — это один из наиболее тупых и бесталаных сторонников нашей школы 19-го века, притом совершенно бессовестный.

Человек, совершенно не терпящий каких-либо противоречий со стороны младших, даже если они стараются ему помочь...»¹⁰

Иное мнение высказал выпускник академии 1913 г. полковник Д. Н. Тихобразов: «Бонч-Бруевича я знал довольно хорошо. В Военной академии он был одним из моих руководителей по практическим занятиям; по взглядам своим он был реакционером, как в политическом, так и в тактическом смысле. По политическим взглядам его причисляли к “черносотенцам”, по тактическим — он был противником “новой” школы профессоров академии Генерального штаба, во главе которой стояли начальник академии генерал Щербачев и профессора Н. Н. Головин, Незнамов, Юнаков и другие. Может быть, Бонч-Бруевич не так уж был неправ в своих тактических взглядах, так как всякое чрезмерное увлечение в ту или иную сторону имеет свою слабую сторону.

Новая школа, проникнутая наступательным, во что бы то ни стало, духом, тем самым как бы ограничивала инициативу начальника. Бонч-Бруевич, наряду с наступательной тактикой, не отвергал осмысленной обороны. Что же касается до политических взглядов, то нередко можно было наблюдать, что крайние взгляды сходились.

Лично я столкнулся с этим генералом в штабе 3-й армии и вынес от совместной службы с ним самое хорошее впечатление»¹¹.

ОТ КРАСНЫХ К БЕЛЫМ

1. С. А. Безобразов
2. Л. М. Болховитинов
3. В. В. Котомин

4. Ф. Е. Махин
5. А. Л. Носович
6. И. Г. Пехливанов

7. В. А. Срывалин
8. Н. Н. Стогов

Сергей Безобразов

От красных к белым по «Крыше мира»

«Северную Индию я прошел через перевал Барогил[ь] по Читральской полузависимой провинции, по долине реки Обидар через крепость Кала-и Дрош, на перевал Лаварай, по независимой разбойничьей стране Дир, откуда спустился в долину реки Чак-Дара, где начинается собственно Индия»¹, — так описывал свои приключения в докладе руководству колчаковской разведки 26-летний штабс-капитан Сергей Анатольевич Безобразов в апреле 1919 г. Кажется невероятным, но горстка бойцов Памирского отряда в конце 1918 — начале 1919 г. совершила поход от красных к белым в буквальном смысле слова по «Крыше мира», как именуют Памир.

Трофейный пулемет и сотня пленных

Несмотря на молодой возраст, пройти Безобразову пришлось уже через многое. За его плечами была Первая мировая война и служба младшим офицером, с июня 1915 г. командиром роты, а позднее — командиром батальона в 1-м Туркестанском стрелковом полку. Судя по всему, Безобразов был отчаянным храбрецом. За бои 1914 г. он был награжден орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» (аннинским оружием), за бои в феврале 1915 г. под Праснышем в Польше — орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. А участие в боях начала июля 1915 г. оказалось отмечено Георгиевским оружием за отличие под городом Цеханов². Не прошло и двух недель после этого подвига, как Безобразов совершил еще один — довел свою роту до штыковой, отбил у немцев действующий пулемет и захватил 100 пленных, за что удостоился ордена Св. Георгия 4-й степени³. Где храбрость, там и смертельный риск. В бою под городом Лык в Восточной Пруссии 1 октября 1914 г. офицер был ранен в левый локоть навывлет с повреждением кости, после чего эвакуирован в Ташкент, однако по излечении вернулся

в полк. Кроме того, в войну он был контужен и плохо слышал на левое ухо.

Осенью 1917 г. Безобразов решил пополнить свои военные знания и пройти обучение на ускоренных курсах 3-й очереди Военной академии⁴. Можно было за считанные месяцы оказаться в привилегированной касте генштабистов, хотя и не совсем полноценных — прошедших сокращенную подготовку. Обучение в младшем классе продлилось с октября 1917 по начало марта 1918 г.⁵, а в старший класс Безобразов не попал из-за Гражданской войны.

Ташкентские будни

Не желая служить в Красной армии, Безобразов уехал из Петрограда в марте 1918 г. в Туркестан. То, что офицер оказался там после революции, объясняется его происхождением. Он родился 25 сентября 1892 г. в семье капитана в Ташкенте, учился в Ташкентском кадетском корпусе и лишь позднее перебрался в Москву, где в 1912 г. окончил Александровское военное училище.

К середине марта 1918 г. офицер добрался до Ташкента. Положение в регионе было тяжелым — не хватало продуктов, из-за Гражданской войны Туркестан находился в изоляции. Началась эпидемия тифа. Безобразов оказался очевидцем чудовищных картин, когда под Ташкентом «по обеим сторонам дороги целой вереницей валялись на обочинах умирающие и мертвые мужчины, женщины и дети — киргизы⁶. Проезжающие русские, сарты⁷ и сами киргизы не обращали на них никакого внимания, потому что сами видели перед собою призрак голодной смерти. А умирающие были настолько слабы, истощены, что не имели силы ограбить проезжающих»⁸. Вскоре начались нападения голодных банд. Реквизиции продуктов властями озлобили население, что привело к вооруженным столкновениям и полномасштабной войне.

Безобразов детально описал меры, предпринимавшиеся советской властью в Туркестане для борьбы с голодом. Кроме того, он дал высокую оценку местным военным мероприятиям новой власти: введению дисциплины, отмене выборности командного состава. От опытного взгляда офицера не ускользнула хорошая выучка встреченной им красноармейской части. «Красная армия получает

БЕЛЫЕ

1. Б. В. Анненков
2. А. С. Бакич
3. А. Ф. Житков
4. И. М. Зайцев
5. Б. И. Казанович

6. Л. Н. Канабеев
7. А. К. Келчевский
8. А. В. Колчак
9. Г. И. Коновалов
10. П. С. Махров

11. Ф. Н. Михайлов
12. Б. Ф. Ушаков
13. В. Е. Флуг

Борис Анненков

Черная страница истории Белого движения

Во главе Белого движения стояли очень разные люди. Среди них были и выдающиеся ученые, как адмирал А. В. Колчак, и видные военачальники, как генералы А. И. Деникин или Н. Н. Юденич, и известные писатели, как генерал П. Н. Краснов. Однако на далеких окраинах чаще встречались люди иного склада. В Монголии верховодил сумасшедший мистик и садист барон Р. Ф. фон Унгерн-Штернберг, а в Семиречье собственное удельное княжество организовал предводитель бандитской ватаги «атаман» Б. В. Анненков, о котором известно меньше остальных.

«Искривившись, псом глядит»

Пролетарский поэт Демьян Бедный посвятил Анненкову один из разделов стихотворения «Кого мы били». Если не знать, что представлял собой подлинный Анненков, можно подумать, что пропагандистские строчки возводят на борца с большевизмом напраслину:

Сел восставших усмиритель,
Душегуб и разоритель,
Искривившись, псом глядит
Борька Анненков, бандит.
Звал себя он атаманом,
Разговаривал наганом;
Офицерской злобой пьян,
Не щадя, губил крестьян,
Убивал их и тиранил,
Их невест и жен поганил.
Много сделано вреда,
Где прошла его орда.
Из Сибири дал он тягу.
Все ж накрыли мы беднягу,

Дали суд по всей вине
И — поставили к стене.

Однако в них нет ни капли преувеличения.

Путь «атамана»

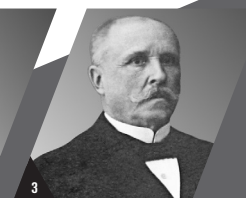
Недавно было установлено, что родился Борис Владимирович Анненков 9 апреля 1889 г. в селе Дрбовке Каневского уезда Киевской губернии в семье офицера¹. Вопреки распространенной легенде потомком декабриста И. А. Анненкова будущий «атаман» не был, хотя имел с ним общего предка в XVI в.² Борис Владимирович окончил Одесский кадетский корпус и Александровское военное училище, однако в дальнейшем служил не в пехоте, как другие выпускники, а в частях Сибирского казачьего войска.

Это был, несомненно, талантливый человек. Прекрасный наездник, гимнаст, рубака и стрелок, бесшабашный смельчак, обожавший риск (еще до войны, например, он садился под поваленным деревом и заставлял казаков своей сотни прыгать через него на лошадях³). Анненкова с юности влекла романтика разбойничьей удали Разина и Пугачева, а любимой песней была разинская «Схороните меня, братцы, между трех дорог»⁴. Война оказалась стихией будущего «атамана», который в достаточно молодом возрасте приобрел заслуженную репутацию хорошего организатора и храброго партизанского командира.

Не был лишен он и творческих способностей. В Государственном архиве Российской Федерации хранятся его рисунки и даже приписываемые ему стихи с ненормативной лексикой. Своих партизан он нарядил в, пожалуй, самую пеструю униформу, какая только существовала в Гражданскую войну. Широкое распространение получила и символика в виде черепов с костями, а лозунгом анненковцев стала фраза «С нами Бог и атаман!»

Отношения в ближнем кругу Анненкова отличались своеобразием. Здесь был развит культ тела — на одном из снимков запечатлены полуголые Анненков и его соратники, видимо, после купания, причем сам «атаман» и ряд его приближенных демонстрируют развитую мускулатуру. Обращаться друг к другу в его отряде следовало со слова «брат». При этом сам Анненков, по некоторым данным,

ОТ БЕЛЫХ К КРАСНЫМ

1. Ф. А. Богданов
2. Л. А. Говоров
3. И. С. Кашуба

4. А. Я. Крузе
5. В. И. Оберюхтин
6. Я. А. Слащев

Филипп Богданов

Метания уральского «Мелехова»

«Советская власть... не стремится к уничтожению вас всех»

«Дорогие товарищи трудовые казаки! Вы, запуганные, забытые и обманутые тысячу раз своими вождями, не присоединились к нам — вашим братьям-казакам, перешедшим в объятия Советской республики. Спешим уведомить и убедить вас, что Советская власть совершенно не стремится к уничтожению вас всех. Советская власть старается прекратить братоубийственную, кровопролитную войну и обратиться к мирному строительству жизни всей трудящейся массы. Советская власть не отнимает у вас ни земли, ни воды, ни леса... Поверьте нам, вашим братьям, что ни один гражданин-труженик в Советской России не обижен, не обездолен, как это делается в стране Сибирского правительства»¹, — писал оренбургский казак, бывший полковник Филипп Архипович Богданов осенью 1919 г. в воззвании после перехода от белых к красным.

Раскаявшийся белый офицер отлично подходил для агитационных целей. Богданов не только подписал воззвание, но и выступил перед сдавшимися на милость красным вчерашними колчаковцами на митинге в Оренбурге 21 сентября 1919 г. в присутствии председателя ВЦИК, будущего «всесоюзного старосты» М. И. Калинина (Калинин прибыл в Оренбург вместе с агитационным поездом «Октябрьская революция»). Обращаясь к другим бывшим белым офицерам, он заявил, что еще в 1918 г. белые стояли за «исполнение тех держимордных старых законов, которые не подходили духу времени. Тогда я определенно сказал, что скорей пусть меня расстреляют, но я никогда не посягну на свободу и волю меньшого брата рядового бойца»². Далее следовали заверения в верности Советской республике. Участники митинга во главе с Богдановым приняли резолюцию о том, что перешли на сторону красных добровольно, осознали свое заблуждение и клянутся быть истинными

защитниками рабочих и крестьян³. Тогда Богданов не предполагал, что советская власть установит куда более суровые порядки, чем любые белые режимы, а переход на сторону красных будет стоить ему в конечном счете жизни.

Герой-повстанец

Путь этого человека не может не напомнить судьбу известного литературного героя — казака Григория Мелехова. Филипп Богданов родился в 1882 г. в казачьей семье Красноярского поселка Кардаиловской станицы. Окончил Оренбургское казачье юнкерское училище и стал офицером. Служил в Туркестане. Филипп Архипович был человеком своенравным. Видимо, не случайно в 1909 г. он был судим. Он женился на Евдокии Иннокентьевне, в семье родилось две дочери, Александра и Елена. О наличии у офицера задатков будущего казачьего вожака свидетельствовало то, что в 1911 г. Богданова избрали атаманом станицы Нижнеозерной.

Как и многие другие казачьи офицеры, Богданов принимал участие в Первой мировой войне. Сумел отличиться, захватив в Восточной Пруссии знамена германского «Военного союза». В конце августа 1914 г. в уже взятом русскими городе Лык в Восточной Пруссии германцы стреляли из окон и с чердаков одного из домов. Сотник 8-го Оренбургского казачьего полка Богданов вызвался их проучить. Завязалась перестрелка, в результате которой казаки во главе с Богдановым ворвались в дом. Под одним из шкафов Богданов нашел два свертка со знаменами и древки к ним. Молодой офицер решил, что эти знамена имеют военное значение, однако позднее выяснилось, что это не так.

Возникли споры о принадлежности трофеев. Штаб 3-й Финляндской стрелковой бригады, которому были приданы оренбуржцы, попытался присвоить знамена. Однако сотник Богданов проявил характер и заявил о том, что знамена принадлежат Оренбургскому войску⁴. От начальника бригады генерала С. Ф. Стельницкого было получено разрешение воспользоваться знаменами по своему усмотрению. В итоге офицер отстоял трофеи в декабре 1914 г., лично привез знамена в Оренбург и сдал на хранение в собор. 10 марта 1915 г. Богданов писал в рапорте, что «офицеры штаба [бригады] хотели отправить знамена в г. Выборг,

В НАЦИОНАЛЬНЫХ АРМИЯХ

1. С. И. Дядюша
2. Н. Е. Какурин
3. К. К. Клещинский

4. В. Озолс
5. В. Н. Петров
6. А. В. Сливинский

Сергей Дядюша

Русский офицер в украинских декорациях

Идейный выбор в пользу украинской армии сделал русский генерал Сергей Иванович Дядюша (26 сентября 1870 — 23 мая 1933). Правда, он так и остался по своим убеждениям русским человеком, сумев при этом достичь высших постов в украинской военной иерархии. Думается, наличие таких людей в украинском военном руководстве в немалой степени способствовало сдерживанию русофобских побуждений в кругах украинских националистов петлюровского толка.

Генерал с Полтавщины

Дядюша родился в городе Хорол¹, в дворянской семье Полтавской губернии. Один из предков генерала, сотник Полтавского реестрового полка Дядюша, участвовал в обороне Полтавы от шведов в 1709 г.² Будущий генерал окончил Петровский Полтавский кадетский корпус (1887), 1-е военное Павловское училище (1889) и Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду в 1900 г.

В 1900 г. Дядюша женился на дочери действительного статского советника Надежде Андреевне Поповой. В 1902 г. у молодого офицера родилась дочь Нина, затем — еще трое детей: в 1904 г. — Ирина, в 1908 г. — Надежда и в 1910 г. — Игорь.

Служба Дядюши проходила в Варшавском и Московском военных округах. Он, очевидно, имел склонность к преподавательской деятельности, поскольку в 1904–1908 гг. был преподавателем военных наук (тактики, артиллерии) в Алексеевском военном училище в Москве. На фронт Первой мировой он пошел полковником, начальником штаба 1-й гренадерской дивизии. Будучи командиром 2-го гренадерского Ростовского его императорского высочества великого князя Михаила Александровича полка (с 16 ноября 1914), Дядюша сумел отличиться и был удостоен Георгиевского оружия. Награжден он был за то, что 7 ноября 1914 г., узнав об отходе полка

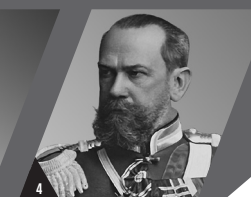
под натиском превосходящих сил противника, выехал к отступавшим и поддержал их тремя ротами из резерва, чем прекратил наступление противника³. 18 июля 1915 г. он был ранен и до сентября находился на излечении в Москве. 6 декабря 1915 г. Дядюша был произведен в генерал-майоры. Служил начальником штаба 84-й пехотной дивизии (с 20 января 1916) и начальником штаба IV армейского корпуса (с 11 марта 1917). Со 2 января 1918 г. занимал пост начальника штаба 6-й армии на Румынском фронте (город Болград), будучи назначен на этот пост украинской Центральной Радой⁴.

На службе Скоропадскому и Петлюре

В 1918 г. Дядюша встал на путь украинизации, вспомнив о своих корнях и, видимо, решив, что сможет выдвинуться на украинской службе. С 17 апреля 1918 г. он командовал Волынским (с 3 июня 1918 г. — I) корпусом украинской армии, штаб которого находился в Ровно. Начальником штаба корпуса был полковник П.И. Липко. Сведения об отношении генерала к антигетманскому восстанию в ноябре 1918 г. противоречивы. Одни исследователи утверждают, что только два гетманских корпусных командира из восьми — Дядюша и генерал П.К. Ерошевич — сразу поддержали Директорию Украинской народной республики (УНР)⁵. Другие — что, наоборот, в период восстания Дядюша занял нейтральную позицию. Как симпатизирующему восставшим, ему был направлен тайный приказ оставить командование корпусом и выехать из Житомира в Киев. Дядюша такой приказ не исполнил, поэтому с приходом к власти Директории был снят со своего поста⁶.

С 1 декабря 1918 г. Дядюша находился в распоряжении штаба войск Директории УНР. Некоторое время проживал частным образом в Житомире. Но подлинное карьерное выдвижение Дядюши произошло с приходом к власти Директории и особенно с установлением режима личной власти головного атамана С.В. Петлюры. Уже 27 января 1919 г. генерал был назначен главным инспектором пехоты Действующей армии УНР и выехал в Винницу. С 7 апреля 1919 г. занимал пост генерал-квартирмейстера Холмской группы войск. С 17 июня 1919 г. служил генералом для поручений Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) Действующей армии УНР. Наконец, с 19 марта по 19 апреля 1920 г. возглавлял ГУГШ УНР. С 5 июня 1920 г.

В ТИСКАХ ТЕРРОРА

1. Г. К. Дервянов
2. Н. Д. Зарин
3. Н. К. Раша
4. А. Е. Зверт

Георгий Деревянов

«Предать суду ревтрибунала как элемента, стоящего на пути трудового народа»

«Все равно Оренбург будет в руках казаков»

Среди документов Реввоен трибунала 1-й советской армии сохранилось дело «по обвинению бывшего подполковника Деревянова Георгия в пропаганде против советской власти». Начато оно 8 июля, а закончено 12 августа 1919 г.

События, повлекшие за собой расстрел 53-летнего бывшего офицера, произошли 8 июля 1919 г. Около 20 часов на Беловке (бульвар в центре Оренбурга на берегу Урала) милиционер 1-го участка Михаил Лапин и красноармеец комендантской команды Василий Кармаков (Кормаков) задержали бывшего войскового старшину Георгия Деревянова.

Писарь комендантского управления зафиксировал показания свидетелей и участников инцидента: «Я, красноармеец комендантской команды Алексеев Александр, сидел на Беловке, ко мне подошел Деревянов, и понемногу завязался разговор. Деревянов стал убеждать меня в том, что теперь, когда нет ни фабрикантов, ни купцов, ни помещиков, вы совсем пропадете. Красные вам ничем не помогут, так и будете работниками. Вот уже они (видимо, белые. — А. Г.) взяли Царицын, скоро возьмут Камышин, Саратов, Уральск, а затем и сюда придут. Скоро все равно Оренбург будет в руках казаков. Вообще все, что он говорил, было ясно, что он ярый контрреволюционер. Больше ничего показать не имею, протокол прочтен мне правильно. Алексеев Александр, а за неграмотного по его личной просьбе расписался [подпись неразборчива]»¹. Интересно, что в показаниях напечатано: «Деревянов стал убеждать Алексеева». Однако вторая фамилия вычеркнута и вписано «меня». Такое исправление может свидетельствовать, что за участников событий показания формулировал следователь.

Ниже следовало показание непосредственно задержавшего Деревянова красноармейца Кармакова: «Я, красноармеец комендантской команды Кормаков Василий, сидел на Беловке и слышал, как вышеназванный Деревянов в чем-то старался убедить красноармейца нашей же команды Алексеева. Из разговора ко мне донеслось, что Деревянов говорил, что вы не сумеете обработать землю без помещиков, т. к. не можете. Фабрики у вас не пойдут и еще что-то. Когда они кончили, к нему подошел милиционер т. Лапин и стал задерживать его. Деревянов побежал вниз к Уралу. Я побежал скорее в команду за винтовкой, и когда я шел обратно, мне навстречу попался т. Лапин, который вел уже Деревянова, все вышесказанное мною подтверждаю, в чем и подписуюсь»².

Задержавший Деревянова милиционер М. И. Лапин показал: «Я, милиционер 1-го участка Лапин Михаил, сидел на Беловке и увидел как Деревянов убеждал Алексеева. Говорил он все то, что показал т. Алексеев. Когда он сказал, что все равно скоро Оренбург будет взят казаками, они окончили разговор и стали расходиться. Я решил задержать их обоих, и когда я подошел с Алексеевым и Деревяновым, то последний побежал вниз к Уралу. Я обнажил шашку и закричал, чтобы он остановился. Задержав его, я направился к коменданту города. Навстречу мне попался т. Кормаков, который бежал за винтовкой, чтобы помочь задержать его. Все вышесказанное подтверждаю, в чем и подписуюсь»³.

«У всякого есть свое мнение, что я думал, я и сказал»

Сам Деревянов сообщил на допросе следующее: «Я, гражданин города Оренбурга (бывший подполковник казачьего войска) Георгий Деревянов, сидел действительно на Беловке с Алексеевым и говорил, что красные без купцов, фабрикантов и помещиков не проживут. Хоть у вас земли и много, но все равно вы ее не обработаете. Фабрики у вас сейчас стоят и не пойдут, попробуйте-ка поработать одни да запахать землю. Про то, что скоро казаки сюда придут, я не говорил. Про вышесказанное я скажу то, что у всякого есть свое мнение, что я думал, я и сказал. Раз теперь свобода слова и мнения, а также равенство и братство, то теперь каждый может говорить все, что он думает, и я ни в чем себя виновным не признаю, ибо у одного мнения одни, а у другого — другие. Больше показать я ничего не имею, протокол

Ганин Андрей Владиславович

50 офицеров

Герои, антигерои и жертвы
на историческом переломе
1917–1922

Оригинал-макет подготовлен
ООО «Кучково поле Музеон»

Дизайн-макет: *Марина Миллер*
Выпускающий редактор: *Александра Громыхина*
Корректор: *Нина Самбу*
Верстка и допечатная подготовка: *Борис Кащеев*

ООО «Кучково поле Музеон»
123376, Москва, ул. Красная Пресня,
д. 28, стр. 2, оф. 307
Тел.: +7 (499) 253-90-01; +7 (977) 331-71-10
E-mail: sales@svyazepoh.ru
[https://svyazepoh.ru/izdatelskie-proekty/
kuchkovo-pole-muzeon.html](https://svyazepoh.ru/izdatelskie-proekty/kuchkovo-pole-muzeon.html)

ООО «Издательский центр «Воевода»
127543, Москва, ул. Лескова, д. 13А, пом. 3П